

Новые войны — старая этика

НИКОЛАЙ АФАНАСОВ

Младший научный сотрудник, сектор социальной философии, Институт философии РАН (ИФАН). Адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: n.afanarov@gmail.com.

Ключевые слова: «новые войны»; теория справедливой войны; социальная философия; аналитическая этика; образы современности; Майкл Уолцер; Брайан Оренд; Ник Фоушин; Джефф Макмаан.

Феномен «новых войн», возникший во второй половине XX века, изменил привычную парадигму мышления о военных конфликтах, поставив под вопрос актуальность размышлений теоретиков прошлого. Наиболее актуальный подход к анализу войны тем не менее опирается на получившую широкое распространение концептуальную рамку теории справедливой войны, в основе которой лежит аналитическая этика. Концепции справедливой войны Майкла Уолцера, Ника Фоушина, Брайана ОRENDA и Джеффа Макмаана являются центральными при обращении к этическому осмыслению войны, но лишь ограниченно продуктивными на материале «новых войн», которые продолжают стремительно изменяться.

Философская мысль оказывается в ситуации, когда она не успе-

вает за динамикой трансформации объекта своего рассмотрения. Война становится медиафеноменом, объектом футуристического рассмотрения, повседневной реальностью для ряда стран и территорий. Она теряет свои четкие пространственные и временные контуры, и, получая все больший контроль над средствами ее ведения, увеличивая разнообразие форм военных конфликтов, мы утрачиваем контроль над ситуацией. Необходимо начать рассматривать войну в качестве комплексного феномена социальной реальности и одновременно обновлять устаревший и ограниченный этический базис осмысления этого «неизбежного зла». Военные конфликты остаются в ряду образов современности, которые следует рассматривать во всей их сложности.

Война изменилась. Дело уже не в противостоянии стран, идеологий или народов. Теперь это бесконечная череда битв, в которых участвуют наемники и машины. Война с ее жертвами превратилась в хорошо отлаженный механизм. Война изменилась. Солдаты с ИС (идентификационной системой) используют оружие с ИС и снаряжение с ИС. Наномашины внутри их тел усиливают и регулируют способности. Контроль над генами. Контроль над информацией. Контроль над эмоциями. Контроль за ходом боя. Все отслеживается и тщательно контролируется. Война изменилась. Эпоху ядерного сдерживания сменила эпоха тотального контроля. Все ради того, чтобы свести к минимуму возможность применения оружия массового уничтожения. И тот, кто контролирует обстановку на поле боя... тот контролирует саму историю. Война изменилась. Когда поле боя находится под абсолютным контролем... война становится рутинной.

Солид Снэйк. Metal Gear Solid 4: Guns of the Patriots

Война... Война никогда не меняется.

Fallout

СОВРЕМЕННЫЕ дискуссии о войне захватывают воображение. Ведение войны, отношение к войне политиков и народов, перспективы войн — все это меняется так быстро, что социально-философская и этическая мысль теряется в попытках ухватить происходящее. Мир, казалось, был готов к тому, что идеологическая война за образ будущего положит конец всем возможным войнам¹. Но даже после завершения холодной войны, которой было суждено решить спор между двумя системами, «горячие войны» нигде не исчезли и продолжают оставаться важным средством достижения политических целей в мировой политике, как понимал их еще в начале XIX века прус-

1. См.: *Gilbert A. Marx on Internationalism and War // Philosophy & Public Affairs*. 1978. Vol. 7. № 4. P. 346–369.

ский генерал Карл фон Клаузевиц² и как продолжают их понимать многие из тех, кто принимает решения о начале войн в наши дни.

Новые войны в новом мире

Мир изменился не так, как мы этого хотели, и даже не так, как ожидали. Война, перспектива которой всегда вызывала страх и ужас из-за ее неопределенности³, заняла важное место в массовой культуре: боевые действия и объекты их ведения остаются в числе наиболее популярных сюжетов, особенное внимание привлекает военная техника⁴. Компьютерные игры предлагают игрокам самим стать участниками вымышленных или исторических боевых действий, не вставая с удобных компьютерных кресел и диванов в гостиных. Тем самым опыт переживания военных действий входит во многие дома не как универсальный опыт страха, обретения идентичности, скуки, отчаяния, а может, и воодушевления⁵ — в зависимости от занимаемой позиции в конфликте, — но как развлечение.

Во многом именно из-за особой культурной интерпретации войны как медиафеномена дискуссия о современной войне превратилась в дискуссию об изображении войны и об этичности ее репрезентации в медиа⁶. Изображение военных действий заметно влияло на их ведение. Яркий пример — война во Вьетнаме (1965–1975). В странах с развитыми и независимыми средствами массовой информации, предлагающими захватывающие и кровавые кадры жестокости с мест ведения боевых действий, массовая война с большим числом жертв уже непредставима⁷. Хайрем Максим, изобретатель пулемета, полагал, что столь смертоносное оружие послужит хорошей причиной не начинать войну, но медиа оказались более влиятельными в вопросе деэскалации насилия. Изучение репрезентации боевых действий, впрочем, не единственный

2. *Фон Клаузевиц К.* О войне. М.: Логос; Наука, 1998. С. 55–56.

3. *Bourke J.* Fear. A Cultural History. L.: Virago Press, 2005. P. 69.

4. *Stahl R.* Digital War and the Public Mind: Call of Duty Reloaded, Decoded // In/visible War: The Culture of War in Twenty-First-Century America / J. Simons, J.-L. Lucaites (eds). New Brunswick: Rutgers University Press, 2017. P. 144.

5. *Banerjee S.* Reproduction of Subjects in Historical Structures: Attribution, Identity, and Emotion in the Early Cold War // International Studies Quarterly. 1991. Vol. 35. № 1. P. 24.

6. См.: *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016.

7. *Hammond W.* Reporting Vietnam: Media and Military at War. Lawrence: University of Kansas Press, 1998. P. 278, 293.

возможный исследовательский подход, который может предложить современная социальная философия для понимания войны.

Разрушительный потенциал военного конфликта, многократно возросший с развитием огнестрельного оружия и в особенности артиллерии⁸, привел к значительному увеличению потерь среди комбатантов. С формированием национальных государств актуален стал вопрос о войне не армий, но наций⁹; за этой трансформацией последовало увеличение числа жертв, но теперь и среди некомбатантов. Вместе с уменьшением роли каждого отдельного солдата и его личной храбрости в бою, а также с развитием логистических возможностей современных государств война стала предметом этического размышления — не с позиции анализа выбора, перед которым оказывается ее участник, но с точки зрения ее оправданности вообще. Издержки становятся слишком высокими. Вероятно, Иммануил Кант в конце XVIII века первым осознал действительно грядущую опасность всеобщего человеческого кладбища, где только и случится вечный мир¹⁰.

Но мысль и предостережение Канта лишь показали прозорливость философии и философов: «вечного мира» заключено не было, пусть с развитием ядерных арсеналов ирония названия и приблизилась к возможности своего воплощения. Остальным понадобилось немало крупных военных конфликтов, две мировые войны и угроза взаимного ядерного уничтожения, чтобы отказаться от крупномасштабных войн между странами. Хотя и этого в конечном итоге не произошло, как показали примеры военных конфликтов США в Афганистане и Ираке, традиционно относимых к «гибридным»: были задействованы значительные воинские контингенты, что повлекло большие потери как армейского состава, так и мирного населения¹¹. Война не исчезает из физической реальности, но, переносясь и в медиaprостранство, буквально удваивается. Мелких и компактных вооруженных конфликтов, которые имеют тенденцию к перерастанию в крупные и продолжительные, не становится меньше. На разработку вооружений по-прежнему уходит значительная часть бюджетов стран, претендующих на значимую роль в мировой политике.

8. *Cohen E.* A Revolution in Warfare // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 75. № 2. P. 38.

9. *Kestnbaum M., Skocpol T.* Review: War and Development of Modern National States // *Sociological Forum*. 1993. Vol. 8. № 4. P. 663–664.

10. *Кант И.* К вечному миру // Соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 6.

11. *Eide M., Gibler M.* After Combat: True War Stories from Iraq and Afghanistan. Lincoln: University of Nebraska Press, 2018. P. xii.

В самом конце 1980-х годов вместе с ликвидацией Восточного блока теоретики войны осознали, что это историческое событие не приведет к исчезновению войн вообще. Война изменится. Мартин ван Кревельд, автор книги «Трансформация войны», вышедшей в 1991 году¹², высказал соображение о необходимости reinterpretации основных теоретических понятий, связанных с военными конфликтами. Уже появление ядерного оружия изменило баланс сил и характер ведения боевых действий, создав то, что называется «конфликт низкой интенсивности», а снятие напряженности между двумя суперсилами только приведет к появлению новых феноменов и форм применения силы в международных отношениях. Именно как конфликты низкой интенсивности ван Кревельд характеризует большинство военных столкновений после 1945 года¹³. Автор предлагает обновление теоретических разработок Клаузевица с оглядкой на современные реалии, но самым важным его шагом является описание войн будущего, с которыми мир уже столкнулся.

Не вдаваясь в военно-технологическую футурологию, сосредоточимся на философском и рациональном смысле произошедших изменений. Важнейшая характеристика новых войн — то, что в них не вовлечены крупные страны, то есть государства, представляющие нации. В современных, «новых» войнах используются партизанские тактики ведения боевых действий, субъектами которых — часто при внешней поддержке — выступают наемные отряды либо ополчение, террористы, бандиты¹⁴. Качественное изменение феномена войны, о котором писали многие теоретики, потребовало создания понятия «новая война»¹⁵, введенного в научный оборот в середине 1990-х годов Мэри Калдор. Понятие, созданное

... для обозначения войн последних двух-трех десятилетий, не означает, что характерные для них явления — участие субъектов, не имеющих государственного статуса; применение асимметричных средств и стратегий борьбы; определяющее влияние, оказываемое на ход боевых действий коммерческими, а не собственно военно-политическими соображениями; использование в качестве воинов детей и женщин; вооруженное насилие по от-

12. Ван Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

13. Там же. С. 13–14, 43.

14. Там же. С. 295.

15. Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

ношению к гражданскому населению и т. д. — никогда не встречались в войнах прошлого¹⁶.

Но именно перечисленные выше черты стали системообразующими для современных военных конфликтов, вызвав необходимость введения нового термина.

Наибольшее изменение в феномене «новых войн» претерпевает сама логика модернистской, рационально просчитываемой войны. Определение ее целей и задач становится новой важной проблемой, поскольку их понимание, а также осознание того, кто ответственен за происходящее, ускользают от интерпретаторов и общественного мнения. Театры военных действий, которыми чаще всего на рубеже XX и XXI веков становятся страны третьего мира, не предоставляют такого же объема достоверной информации о ходе конфликта, как это было даже во времена Первой мировой войны:

...записи редки, неточны, а часто и недоступны; правительства регулярно претендуют на то, чтобы скрывать как успехи, так и неудачи, представлять в ложном виде состояние сторон; на раскрытие смысла долгосрочных последствий любого действия может потребоваться несколько лет¹⁷.

Если следовать логике переопределения классических понятий ведения войны, то «туман современной войны» — это ситуация, когда недостаточность данных, ограниченность человеческого ума и вмешательство случая не позволяют получить достоверное знание о происходящем на поле боя¹⁸. Современная, «новая» война принципиально неясна и противоречива, а единого мнения касательно ее последствий, выгодоприобретателей и оправданности по завершении конфликта редко удается достичь.

Действительно ли у нас все под контролем, как нам это видится? И нет ли в феномене войны чего-то такого, что по умолчанию не может быть взято под контроль? Эти два вопроса приходят в голову, когда мы обозреваем дискуссии о феномене современных военных конфликтов. Но замешательство перед гнетущей сложностью реальности, как показывают попытки некоторых философов, не останавливает ход мысли об этическом осмыслении

16. Дмитриев Т. А. Войны XXI века // Сократ. 2010. № 2. С. 30.

17. Cohen E. Distant Battles: Modern War in the Third World // International Security. 1986. Vol. 10. № 4. P. 143.

18. Фон Клаузевиц К. Указ. соч. С. 79–80.

войн. Можно даже сказать, что новый феномен войны позволил больше унифицировать представления и размышления о ней, ограничив элемент рефлексии над национальной традицией. Война превратилась в транскультурный феномен, став полем поиска универсальных представлений и принципов¹⁹.

К теории справедливой войны

Одной из наиболее интересных попыток систематизировать и ограничить наше знание о войне стало аналитическое переосмысление теории справедливой войны, преимущественно в англоязычной философской традиции XX века²⁰. Теоретики справедливой войны поставили задачу определить процедуры ведения войн и возможности нравственной кодификации процедур конфликта исходя из этических представлений о том, чтобы по возможности исключить нанесение ущерба сторонам, не несущим ответственности, и минимизировать ущерб от военных действий вообще²¹.

Теория справедливой войны распадается на две фундаментальные составляющие. В первую очередь она ставит вопрос о правомерности²² начала военных действий, а после, когда решение о начале вооруженного конфликта принято, анализирует этичность ведения войны. В терминологии эти два вопроса обозначаются

19. Коппитерс Б., Фоушин Н. Предисловие // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под общ. ред. Б. Коппитерса и др. М.: Гардарики, 2002. С. 7.
20. Хотя некоторые исследователи указывают на развитие дискурса теории справедливой войны в странах континентальной, преимущественно Северной Европы (см.: Куманьков А. Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб.: Алетейя, 2018. С. 8.), полагаю, что законодателями философской моды в этом разделе этической теории остаются преимущественно мыслители из Северной Америки.
21. Коппитерс Б., Фоушин Н. Заключительные замечания // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 388.
22. Перевод устоявшегося обозначения теории *just war theory* как «теория справедливой войны» может вызывать вопросы у русскоязычного читателя, поскольку привносит дополнительные этические коннотации в предмет, не передавая юридический и ценностно-нейтральный смысл термина, который можно было бы выразить такими словами, как «оправданная», «обоснованная», «правомерная» и др. Этот аспект нельзя упускать из внимания при работе с идеями теоретиков справедливой войны.

как *jus ad bellum* и *jus in bello*²³ соответственно. Но и сам предмет теории справедливой войны изменяется, включая в фокус своего рассмотрения новые понятия:

В последнее время началось активное обсуждение еще одной, третьей категории принципов — *jus post bellum*, определяющих понятие справедливости на завершающей стадии войны, когда боевые действия уже завершены и встает вопрос о построении справедливого послевоенного мира²⁴.

Оказалось достаточно сложно определить принципы, которые позволили бы легитимировать преследование национальных или частных групповых интересов военными средствами. А в этической дискуссии вокруг ведения войны консенсус достигается в фигуре некомбатанта, к которой и применяется разработанный теорией принцип различия:

В самом широком смысле этот принцип утверждает, что во время ведения военных действий воюющие стороны обязаны различать допустимые и недопустимые для уничтожения цели²⁵.

Но что точно можно сказать о войне, так это то, что, даже понимая ее как неизбежное зло, люди стремятся определить, как во время боевых действий оставаться максимально моральными²⁶.

Любопытную метафору предложил философ и этик Дуглас Лакки, сказав о позиции Майкла Уолцера, автора книги о справедливых и несправедливых войнах, будто тот

... обошел цинизм и пацифизм и занял позицию между Гоббсом и Ганди: он утверждает, что некоторые войны справедливы, а некоторые нет, что некоторые средства ведения войны не моральны, а некоторые допустимы и что у философа одна главная задача — предоставить различные суждения по каждому конкретному случаю²⁷.

23. Cady D. From Warism to Pacifism: A Moral Continuum. Philadelphia: Temple University Press, 1990. P. 26.

24. Куманьков А. Д. Указ. соч. С. 6.

25. Харпл Э. Различие // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 188.

26. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Agreement with Historical Illustration. N.Y.: Basic Books, 2015. P. 41.

27. Lackey D. Review: A Modern Theory of Just War // Ethics. 1982. Vol. 92. № 3. P. 533.

В целом такая метафора может описать всю теорию справедливой войны, если задаться целью бегло обозреть и объяснить ее сущность. Сам подход, признающий войну неизбежным злом и пытающийся путем рационального размышления сделать это неизбежное зло меньше, заслуживает уважения. Но, с нашей точки зрения, для того, кто не занимается теорией профессионально, а озабочен ужасом неопределенности конфликтов, более продуктивна и интересна вторая часть приведенной выше мысли о том, что у теоретика войны есть задача высказываться по конкретным кейсам.

Множество иллюстраций этой методологической установки можно обнаружить в работах, посвященных теории справедливой войны. В частности, коллективная монография международной команды авторов «Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры»²⁸, помимо фундаментальных и абстрактных рассуждений об этических принципах в их применимости к войне, предлагает читателю самому рассмотреть различные показательные кейсы из истории военных действий: Советско-японскую войну 1939 года, Карибский ракетный кризис 1962 года, войну в Персидском заливе 1990–1991 годов, Чеченскую войну 1994–1996 годов и ряд других конфликтов. Не пренебрегает анализом конкретных войн и специалист в области теории справедливой войны философ Борис Кашников²⁹.

Для понимания частных ситуаций и вынесения философских оценок все же нельзя обойтись без фундаментальной теории. И большая удача, что на русском языке в 2018 году вышла монография философа Арсения Куманькова «Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан», в которой представлены философские разработки крупнейших представителей теории справедливой войны. Сам автор, определяя ее роль, утверждает:

...эта доктрина инкорпорируется в международное гуманитарное право, используется политиками и специалистами по международным отношениям, включается в образовательные программы для подготовки профессиональных военных и, таким образом, создает наравне с концепцией политического реализ-

28. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры.

29. См.: Кашников Б. Н. Терроризм на Святой Земле // Российский научный журнал. 2007. № 1. С. 69–74; Он же. Частные военные компании и принципы *Jus in Bello* // Военно-юридический журнал. 2010. № 6. С. 62–73.

ма идейное поле, которое формирует представление западного мира о войне³⁰.

Так что знакомство с этими теориями особенно важно: именно они создают интеллектуальную картину отношения к военным действиям в западном экспертном сообществе, что, очевидно, имеет и практические следствия, с которыми будут вынуждены мириться другие участники международных отношений.

Характеризуя ситуацию разработки теории справедливой войны в российской философии, автор справедливо указывает на изоляцию, «которой способствует также отсутствие переводных работ, раскрывающих философские подходы к феномену войны»³¹. Пусть книга и не является переводом, осмелимся утверждать, что для преодоления «изоляции» отечественной мысли от современного хода размышления о войне в рамках теории справедливой войны она делает больше любого возможного перевода классиков. Несмотря на намерение изложить концепции четырех крупнейших современных философов, занимающихся проблематикой войны, труд имеет не только историко-философский смысл, как мы увидим в дальнейшем.

В историко-философском плане работа, помимо обращения к современным концепциям, предлагает читателю обстоятельный очерк истории теории справедливой войны. Из этой перспективы становится ясно, что осмысление феномена войны с тех позиций, которые стали нормативными для современной философии (вопрос оправдания войны и вопрос личной ответственности ее участников), имеет длительную историю, берущую начало в Античности. Нервом всякого размышления о войне, как мы увидим, является вопрос о справедливости вообще:

Война не может рассматриваться вне контекста решения вопроса о политической справедливости. Но что такое политическая справедливость, в чем заключается справедливое причинение ущерба или насилия?³²

И здесь мы сталкиваемся с тем, что вопрос о справедливости вообще решается в рамках дискуссий этических доктрин, не сосредоточивающихся главным образом на феномене войны, чему есть много исторических примеров в этических концепциях прошлого.

30. Куманьков А. Д. Указ. соч. С. 9.

31. Там же. С. 12.

32. Там же. С. 23.

Представление об универсальном характере моральных законов — краеугольный камень современного учения о справедливой войне. <...> Насилие порочно не само по себе, а только в тех случаях, когда используется недолжным образом³³.

Таково было положение дел для Аристотеля, таковым оно остается и для современных теоретиков. При обращении к современным концепциям мы видим, что есть некоторые универсальные предпосылки, которые определяют и делают возможной рациональную дискуссию о справедливой войне, в том числе несомненная ценность человеческой жизни и моральное равенство субъектов вне зависимости от их принадлежности к какой-либо стороне в конфликте. *Jus in bello* детерминирована универсалистской этикой ценности человеческой жизни и невиновностью некомбатантов³⁴.

Если обратиться к историческим аргументам к *jus ad bellum*, возникает более сложная картина, поскольку ценностная легитимация справедливости вступления в войну в мысли философов прошлого не может, на первый взгляд, найти себе конкретного применения в современности. Идет ли речь об Аристотеле, философски разработавшем несколько причин для начала справедливой войны, в том числе и с целью создания правильно устроенного политического сообщества³⁵, или об Августине, для которого агрессивная экспансионистская война с целью расширения территории, если она ведется «добрыми» людьми, представляется делом не просто достойным, но необходимым³⁶, — легко определить, что *jus ad bellum* кодифицируется представлением о благе вообще. Это единственное, что мы можем увидеть ясно. Но это наблюдение не должно нас обескуражить. Напротив, оно само становится аргументом в пользу того, что и в современных итерациях транскультурной и универсалистской теории справедливой войны ничего не изменилось, и этот структурный «консерватизм» теории может быть зафиксирован.

Современная теория справедливой войны

Рассмотрим кратко наиболее интересные идеи философов, которым главным образом и посвящена монография Куманькова. Зна-

33. Там же. С. 26.

34. Rengger N. On the Just War Tradition in the Twenty-First Century // International Affairs. 2003. Vol. 78. № 2. P. 358–359.

35. Куманьков А. Д. Указ. соч. С. 26–27.

36. Там же. С. 44.

комство с содержанием конкретных концепций теории справедливой войны предлагается начать с мысли Майкла Уолцера, которого Куманьков называет «патриархом теории справедливой войны»³⁷. Такое сравнение вполне оправданно, поскольку именно Уолцеру довелось изменить статус теории справедливой войны, бывшей объектом историко-философских исследований, и реактуализировать ее идейный потенциал в применении к политической ситуации 1960-х годов и кризиса после войны во Вьетнаме. Именно в те годы в обществе значительно усилился запрос на переосмысление войны и произошла делигитимация военного конфликта³⁸. Общественное недовольство и легализм нашли отражение в мысли философа, который ригористично ограничил причины для начала войны агрессией противника.

Взаимоотношение прав людей вне состояния войны напоминает положение государств на международной арене. Этот мыслительный ход в истории философии не нов³⁹. Но все меняется, когда некоторые граждане государств становятся комбатантами, а другие остаются некомбатантами, поскольку для первых начинают действовать другие этические принципы и их неприкосновенность исчезает. Кодификация этих правил — отдельная большая задача, которая должна соотноситься с принципом морального равенства, в рамках которого

...солдаты отказываются от особо жестоких методов ведения войны, уважая противника за мужество и честь, но в большей степени из-за опасений ответной жестокости со стороны противника⁴⁰.

Положение государств, не начинавших агрессию, можно отождествить с мирным населением во время конфликта.

Главной проблемой становится определение критериев агрессии. Учитывая, что основной задачей государств, закрепленной в международном праве, является сохранение суверенитета и обеспечение безопасности граждан, под определение агрессии может попасть достаточно большое количество не только дей-

37. Там же. С. 95.

38. Там же. С. 97.

39. См., напр.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 193–195, 260.

40. Куманьков А. Д. Указ. соч. С. 104.

ствий, но и угроз⁴¹. Здесь мы сталкиваемся с теми положениями теории Уолцера, которые, с одной стороны, иллюстрируют свободу его мысли от наивного пацифистского утопизма, но с другой — обращают внимание на уязвимые положения теории справедливой войны: консенсус относительно агрессии представляет-ся малодостижимым в международной политике.

Определяя *jus in bello*, Майкл Уолцер постулирует независимость этих принципов от *jus ad bellum*:

Если справедливой причиной войны, по мнению Уолцера, может обладать в лучшем случае только одна сторона, то вести войну справедливо способен каждый из противников⁴².

Рассматривая его теорию дальше в том аспекте, когда философ прибегает к определению конкретных положений и принципов, которые помогли бы сориентироваться в классификации ведения войны гуманными способами, мы сталкиваемся с тем, что и сам автор понимает некоторую ограниченность в этическом отношении своего принципа «пропорциональности», который он заимствует у Хеда Сиджвика⁴³. Война по определению порочна, и, как бы мы ни старались облагородить и гуманизировать ее ход, данная черта не изменится. Дополнительно иллюстрирует эту мысль метафора «этики чрезвычайных обстоятельств», заключающаяся в том,

... что, с одной стороны, в силу крайней необходимости возможным становится нарушение военной конвенции, но, с другой стороны, нельзя говорить о полном освобождении участников операции от моральной ответственности⁴⁴.

Отдельная глава книги Куманькова посвящена еще одному американскому теоретику справедливой войны, Николасу Фоушину. Отталкиваясь от того, что хронологическая рамка существования теории справедливой войны не полностью совпадает с появлением феномена «новых войн», обратим внимание, что монография Фоушина «Война и этика: новая теория справедливой войны»⁴⁵ вышла в 2007 году. Это позволило ему занять метапозицию по отношению к классическому дискурсу теории справедливой вой-

41. Там же. С. 106.

42. Цит. по: Там же. С. 112.

43. Там же. С. 114.

44. Там же. С. 132.

45. *Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory*. L.; N.Y.: Continuum, 2007.

ны и использовать для анализа богатый эмпирический материал, предоставленный войнами самого начала XXI века, а также переосмыслением военных конфликтов XX столетия. Рассмотрение этих кейсов приводит к тому, что, по мнению философа, «теория справедливой войны должна быть модифицирована в нескольких отношениях»⁴⁶. Куманьков отмечает:

Фоушин анализирует современное состояние теории справедливой войны и обсуждает проект ее обновления за счет создания концепции *bellum justum*, которая работала бы как для классических, регулярных войн, так и для асимметричных, иррегулярных конфликтов⁴⁷.

Именно разделение войн на два вышеприведенных типа, впервые подвергнутое настолько серьезной рефлексии в рамках теории справедливой войны, делает его теоретический подход столь важным для нас:

Одна теория, которую я назову регулярной теорией справедливой войны, будет заниматься угрозами войны и реальными войнами между нациями. <...> Другую теорию я назову иррегулярной теорией справедливой войны. Она разбирает «войны» (столкновения, конфликты) между нациями и вненациональными группами⁴⁸.

Фоушин задается вопросом о возможности единства теории справедливой войны⁴⁹. Разнообразие подходов в пределах стилистического единства нормативности на деле не создало никакой общей теории, но сформировало парадигму размышлений о войне. Внесение в эту парадигму размышлений о статусе негосударственных участников военного конфликта, которое в классической теории скорее описывалось в терминах их легитимности, стало большим шагом вперед для этической мысли о войне.

Брайан Оренд, принадлежащий к новому поколению теоретиков справедливой войны⁵⁰, в значительной степени отталкивался от идей Майкла Уолцера. Нам, однако, гораздо интереснее, что именно оригинального привнес Оренд и насколько критична была его опора на «патриарха» теории справедливой войны.

46. Ibid. P. 83.

47. Куманьков А. Д. Указ. соч. С. 139–140.

48. Fotion N. Op. cit. P. 111–112.

49. Ibid. P. 143.

50. Куманьков А. Д. Указ. соч. С. 177–178.

Как это демонстрирует Куманьков, канадский философ, понимая ограниченность самых основ теории, апеллирует к этике Иммануила Канта, предпринимая попытку «совместить теорию справедливой войны, кантианскую политическую философию и этику»⁵¹. Чтобы дать обоснование дискурсу военных действий как неизбежного зла, Орэнд отказывается от традиционной интерпретации фигуры Канта как философа-пацифиста и указывает на допустимость ведения войны в его философии. Опираясь на историю мысли для обоснования своих идей, Орэнд прибегает в том числе к традиции мысли о правах человека и закладывает гуманистические основания для начала конфликта. Ряд государств, не заботящихся о правах собственных граждан, не может «рассматриваться как полноправные участники политических отношений»⁵². Следовательно, война против них справедлива.

Подход к теории справедливой войны Джефферсона Макмаана⁵³, четвертого героя книги Куманькова, отличается от рассмотренных выше концепций наибольшей методологической рефлексивностью, так как философ рассматривает моральный статус военных конфликтов с более общих позиций этической теории, наиболее ясно постулируя необходимость метаэтики для анализа справедливости ведения военных конфликтов. Это осознание противоречивости самого концепта справедливой войны находит отражение в главном объекте исследования теоретика:

Для Макмаана проблема оправдания убийства на войне становится постоянным мотивом, который открыто или имплицитно проявляется в каждом элементе его теории⁵⁴.

Моральные парадоксы военных конфликтов — вообще не в центре интересов Макмаана. В первую очередь философа интересуют проблемы насильственной смерти, права на убийство, аборт:

51. Там же. С. 178.

52. Там же. С. 184.

53. Принятая транскрипция фамилии американского философа Джефферсона Макмаана (*McMahan*) как «Макмахан» не передает оригинального произношения. Тем не менее она вошла в российский научный оборот, в том числе именно как «Макмахан» фигурирует философ в монографии Арсения Куманькова, и при цитировании мы сохраняем орфографию авторов. Однако, вне зависимости от вариантов написания, речь в данной статье идет об одном и том же человеке.

54. Там же. С. 214.

Только... определив, когда один человек может убивать другого, мы, по мнению Макмахана, можем переходить к обсуждению этики войны⁵⁵.

Обстоятельное рассмотрение философских концепций наиболее важных теоретиков справедливой войны, предложенное Арсением Куманьковым, не должно вводить нас в заблуждение. Книга не может считаться лишь историографической работой. Наоборот, логическая структура труда, собственный анализ каждой концепции, а также помещение в более общее дискурсивное поле дискуссий о минимизации последствий насилия в философской мысли XX века говорят о высоком уровне именно продуктивной историко-философской работы. Монография не только указывает на принципиальную незавершенность теорий справедливой войны, но и обрисовывает наиболее перспективные направления, в которых будет развиваться этическая мысль о вооруженных конфликтах далее, тем самым помогая отечественной философской мысли включиться в процесс осмысления одного из важнейших феноменов современности и, возможно, в будущем сказать свое слово в решении одной из главных проблем теории:

Ценностный раскол теории справедливой войны приводит к тому, что изначальная цель борьбы за мир уходит на второй план или совсем теряется, уступая место побочным целям, решение которых требует применения силовых методов⁵⁶.

Старая аналитическая этика

Мы видим, что с теорией справедливой войны случилось нечто сходное с тем, что произошло в современной дискуссии об этике. Авторы теорий справедливой войны часто апеллируют к аргументам из получившей достаточный кредит доверия аналитической этики, дабы придать солидности и убедительности своей аргументации⁵⁷. Но этого оказывается недостаточно для построения непротиворечивой и цельной нормативной теории. А претензия на построение именно нормативной теории, подходящей для применения на практике, то есть такой, которая могла бы служить основой для международного права, очевидна. Эта претен-

55. Там же. С. 213–214.

56. Там же. С. 249.

57. *Lazar S. Risky Killing and the Ethics of War // Ethics. 2015. Vol. 126. № 1. P. 93–95.*

зия и практический аспект всегда артикулируются самими философами. В частности, Николас Фоушин надеялся, что если его разделение теории справедливой войны на две части не послужит целям вынесения превентивного этического суждения о происходящем, то ретроспективно может стать критерием для оценки⁵⁸.

Аналитическая этика второй половины XX века сама по себе — проблемный объект изучения. Новый стиль мышления, включающий в себя множественные мысленные эксперименты, гипотезы, логические построения и критическую рефлексию над другими концепциями, не освобождает дискуссию от ценностной априорности, когда аналитик намеревается высказать позитивное суждение. Важно, что

...аналитический подход по своей сути критичен: он вскрывает слабые места теорий и учений, освященных традицией и великими именами, выявляет неточности в самой постановке обсуждаемых проблем, логические ошибки в аргументации и, соответственно, концептуальные ошибки в выводах⁵⁹.

Этот аспект интересует нас, поскольку в этике, лежащей в основе теорий справедливой войны, воспроизводится критическая установка аналитического подхода.

Эвристичность теорий справедливой войны оказывается неоднородной. *Jus in bello* осмысляется, в сущности, уже после принятия этического решения о вступлении в войну и ограничивает свободу комбатантов и некомбатантов ситуацией боевых действий. Это вынесение за скобки внешнего для ситуации этического контекста позволяет теории прекрасно работать и на уровне нормативности гуманизирует военные действия, потому что теория становится критикой естественного положения дел, когда фигура врага лишается человеческого статуса и, следовательно, этической неприкосновенности. Поэтому содержание аргументов и идей Майкла Уолцера, Николаса Фоушина, Брайана Оренда, Джефферсона Макмаана и других теоретиков справедливой войны в отношении ведения боевых действий соответствует интенции построения нормативной теории.

При осмыслении *jus ad bellum* философия оказывается ограничена в негативистском мышлении, по большей части указывая на недопустимость и неоправданность каких-либо решений.

58. Куманьков А. Д. Указ. соч. С. 176.

59. Максимов Л. В. Об аналитическом стиле в этике // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 1. С. 6.

Отметим также, что логическая унификация принципов ведения войны и вступления в войну осознается философами как задача, требующая решения, от положительного характера которого зависит статус когерентности теории вообще⁶⁰. Полноценное разрешение обозначенной проблемы — одна из наиболее трудновыполнимых задач в современной этике. Мы видели, что самый распространенный подход при определении оправданных причин для вступления в войну ориентируется на отражение агрессии: тогда теория справедливой войны способна замечательно описать и дать оценку произошедшему. Но в определении агрессии, которая, как мы помним, не всегда актуально-военная, но может быть и потенциальной, в формате воспринимаемой угрозы, теория справедливой войны не всегда может прояснить ситуацию. Это происходит потому, что и национальные государства, и даже парамилитаризованные формирования в качестве основных субъектов новых войн не могут быть редуцированы к полностью рациональным субъектам, способным, а главное, желающим взвешивать все за и против или, говоря иначе, мыслить в категориях и стиле аналитической этики.

Коллективные субъекты ведения военных действий всегда в достаточной степени иррациональны, если понимать под иррациональностью ценностные установки, которые становятся руководством к действию для акторов. Возвращаясь к аналогии с ходом современной дискуссии вокруг этики, следовало бы заметить, что теория справедливой войны нуждается в модернизации или дополнении, которое для аналитической этики произведено артикуляцией важности ценности в этике добродетели. Актуальность этики добродетели остается характерной не только для традиционного, но и для современного общества⁶¹. Такая модернизация не может опираться только на улучшение применения аналитического метода.

Теория справедливой войны оказывается в ловушке парадигмы двух старых этик и аналитического подхода, а в результате нормативная доктринальная система лишь ограниченно практически применима к реальности международной политики, если

60. *Toner C.* The Logical Structure of Just War Theory // *The Journal of Ethics*. 2010. Vol. 14. № 2. P. 84–85.

61. См., напр.: *Gong Q., Zhang L.* Virtue Ethics and Modern Society — A Response to the Thesis of the Modern Predicament of Virtue Ethics // *Frontiers of Philosophy in China*. 2010. Vol. 5. № 2. P. 255–265; *Zuckert C.* Aristotelian Virtue Ethics and Modern Liberal Democracy // *The Review of Metaphysics*. 2014. Vol. 68. № 1. P. 61–91.

мы, конечно, продолжаем ставить перед собой «этические» цели. Во-первых, аналитический стиль мышления, который так много дал при разработке критического анализа парадоксов и системы взаимоотношений между комбатантами и некомбатантами, требует некоторых дополнений. Во-вторых, аналитический метод также базировался на ценностных основаниях универсализации и глобализации, имеющей один вектор. Нельзя сказать, что теории справедливой войны этого не осознавали, но и утверждать, будто эта позиция наиболее удачно отражает реальное положение дел, было бы наивно. Подход теории справедливой войны в исторической перспективе нельзя назвать ошибочным, тем более что его положительные результаты видны на практике, но и он требует обновления, ведь война изменилась.

Всякая эпоха имела свои собственные войны, свои собственные ограничения и свои затруднения. Каждая война имела бы, следовательно, также свою собственную теорию, если бы даже повсюду и всегда люди были бы расположены обрабатывать теории войны на основе философских принципов⁶².

«Новые», не похожие ни на что в истории войны нашей эпохи тоже требуют своей философской теории. Вероятно, она будет выстроена вокруг методологии теории справедливой войны, которая учтет их специфику, но и осознает ограниченность своего метода и подхода. Предстоит определить сами новые войны, ведь скорость, с которой все меняется, не позволяет довольствоваться классификациями, созданными даже несколько десятков лет назад. Перечисление процессов современности, оказавших влияние на феномен войны, заняло бы непозволительно много времени, но отметим самое важное, что уже осознается теорией и, с нашей точки зрения, поможет этике и философии осмыслить новые войны.

Война, как никогда ранее, становится включенной в более общий процесс функционирования общественных структур, и стремительно изменяющаяся современность захватывает ее в своем течении. Война теряет свою замкнутую чистоту, выступающую противоположностью мира. Размывается граница между военными действиями и мирным состоянием. Возможно, мы стоим на пороге перехода такого же масштаба, как тот, над которым размышлял Клаузевиц. Глобализация ослабляет контроль национальных структур над ситуацией, порождая «эрозию способности

62. Фон Клаузевиц К. Указ. соч. С. 216.

государств управлять» ситуацией⁶³. Роботизация, развитие техники, систем слежения, возможностей трансляции и создания захватывающего медиашоу из военных действий — все это порождает иллюзию контроля над ситуацией, упраздняя чувство опасности, на самом деле делая войну рутинной, будто бы мир уже стал реальностью научной фантастики из компьютерных игр. Наша мысль оказывается мало готова к новым войнам, и их сложность требует от нас не только развития теории справедливой войны, модификации базиса аналитической и ценностной этик, но и нового «параллаксного видения»⁶⁴.

Библиография

- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016.
- Ван Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
- Дмитриев Т. А. Войны XXI века // Сократ. 2010. № 2. С. 30–35.
- Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008.
- Калдор М. Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Кант И. К вечному миру // Соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7.
- Кашников Б. Н. Терроризм на Святой Земле // Российский научный журнал. 2007. № 1. С. 69–74.
- Кашников Б. Н. Частные военные компании и принципы *Jus in Bello* // Военно-юридический журнал. 2010. № 6. С. 62–73.
- Коппитерс Б., Фоушин Н. Заключительные замечания // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002.
- Коппитерс Б., Фоушин Н. Предисловие // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002.
- Куманьков А. Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб.: Алетейя, 2018.
- Максимов Л. В. Об аналитическом стиле в этике // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 1. С. 5–17.
- Павлов А. В. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 149–172.
- Фон Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1998.

63. Brzoska M. “New Wars” Discourse in Germany // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. № 1. P. 109–110.

64. См.: Павлов А. В. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 149–172; Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008.

- Хартл Э. Различие // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002.
- Banerjee S. Reproduction of Subjects in Historical Structures: Attribution, Identity, and Emotion in the Early Cold War // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35. № 1. P. 19–37.
- Bourke J. Fear. A Cultural History. L.: Virago Press, 2005.
- Bzroska M. “New Wars” Discourse in Germany // *Journal of Peace Research*. 2004. Vol. 41. № 1. P. 107–117.
- Cady D. From Warism to Pacifism: A Moral Continuum. Philadelphia: Temple University Press, 1990.
- Cohen E. A Revolution in Warfare // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 75. № 2. P. 37–54.
- Cohen E. Distant Battles: Modern War in the Third World // *International Security*. 1986. Vol. 10. № 4. P. 143–171.
- Eide M., Gibler M. After Combat: True War Stories from Iraq and Afghanistan. Lincoln: University of Nebraska Press, 2018.
- Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. L.; N.Y.: Continuum, 2007.
- Gilbert A. Marx on Internationalism and War // *Philosophy & Public Affairs*. 1978. Vol. 7. № 4. P. 346–369.
- Gong Q., Zhang L. Virtue Ethics and Modern Society — A Response to the Thesis of the Modern Predicament of Virtue Ethics // *Frontiers of Philosophy in China*. 2010. Vol. 5. № 2. P. 255–265.
- Hammond W. Reporting Vietnam: Media and Military at War. Lawrence: University of Kansas Press, 1998.
- Kestnbaum M., Skocpol T. Review: War and Development of Modern National States // *Sociological Forum*. 1993. Vol. 8. № 4. P. 661–674.
- Lackey D. Review: A Modern Theory of Just War // *Ethics*. 1982. Vol. 92. № 3. P. 533–546.
- Lazar S. Risky Killing and the Ethics of War // *Ethics*. 2015. Vol. 126. № 1. P. 93–95.
- Rengger N. On the Just War Tradition in the Twenty-First Century // *International Affairs*. 2003. Vol. 78. № 2. P. 353–363.
- Stahl R. Digital War and the Public Mind: Call of Duty Reloaded, Decoded // In: *Visible War: The Culture of War in Twenty-First-Century America* / J. Simons, J.-L. Lucaites (eds). New Brunswick: Rutgers University Press, 2017.
- Toner C. The Logical Structure of Just War Theory // *The Journal of Ethics*. 2010. Vol. 14. № 2. P. 84–85.
- Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Agreement with Historical Illustration. N.Y.: Basic Books, 2015.
- Zuckert C. Aristotelian Virtue Ethics and Modern Liberal Democracy // *The Review of Metaphysics*. 2014. Vol. 68. № 1. P. 61–91.

NIKOLAI AFANASOV. Junior Research Fellow, Social Philosophy Department, n.afanasov@gmail.com.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (RAS), 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: new wars; just war theory; social philosophy; analytical ethics; images of modernity; Michael Walzer; Brian Orend; Nick Fotion; Jeff McMahan.

The emergence of “new wars” in the second half of the twentieth century has changed the conventional paradigm for thinking about military conflicts and called into question the relevance of what previous theorists have offered. However, the most useful approach to the analysis of war is based on the widely accepted conceptual framework of the theory of just war, which is itself grounded in analytical ethics. The interpretations of just war theory by Michael Walzer, Nick Fotion, Brian Orend and Jeff McMahan are central to an ethical understanding of war, but they are of only limited value for considering the topic of “new wars,” which meanwhile are in constant flux.

Philosophical thinking on these matters is failing keep pace with the transformation of the object it is considering. War is becoming a media phenomenon, a subject for futuristic speculation, and a routine reality for a number of countries and regions. It is losing its clear spatial and temporal contours, and although we are gaining greater control over its management and increasing the variety of forms that military conflicts take, we are losing control over the overall situation. War should be now seen as a complex phenomenon of social reality that demands a revision of the outdated and limited ethical supports that have been provided for this “necessary evil.” Military conflicts are among the images of modernity that must be apprehended in all their complexity.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-157-177

References

- Banerjee S. Reproduction of Subjects in Historical Structures: Attribution, Identity, and Emotion in the Early Cold War. *International Studies Quarterly*, 1991, vol. 35, no. 1, pp. 19–37.
- Baudrillard J. *Dukh terrorizma. Voiny v zalive ne bylo* [L'ésprit du terrorisme. La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu], Moscow, RIPOL klassik, 2016.
- Bourke J. *Fear. A Cultural History*, London, Virago Press, 2005.
- Brzoska M. “New Wars” Discourse in Germany. *Journal of Peace Research*, 2004, vol. 41, no. 1, pp. 107–117.
- Cady D. *From Warism to Pacifism: A Moral Continuum*, Philadelphia, Temple University Press, 1990.
- Cohen E. A Revolution in Warfare. *Foreign Affairs*, 1996, vol. 75, no. 2, pp. 37–54.
- Cohen E. Distant Battles: Modern War in the Third World. *International Security*, 1986, vol. 10, no. 4, pp. 143–171.
- Coppieters B., Fotion N. Predislovie [Preface]. *Nravstvennye ogranicheniia voiny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases] (eds B. Coppieters, N. Fotion, R. Apressyan), Moscow, Gardariki, 2002.
- Coppieters B., Fotion N. Zakliuchitel'nye zamechaniia [Concluding Comments]. *Nravstvennye ogranicheniia voiny: problemy i primery* [Moral Constraints

- on War: Principles and Cases] (eds B. Coppeters, N. Fotion, R. Apressyan), Moscow, Gardariki, 2002.
- Dmitriev T. A. Voiny XXI veka [Wars in XXI century]. *Sokrat* [Socrates], 2010, no. 2, pp. 30–35.
- Eide M., Gibler M. *After Combat: True War Stories from Iraq and Afghanistan*, Lincoln, University of Nebraska Press, 2018.
- Fotion N. *War and Ethics: A New Just War Theory*, London, New York, Continuum, 2007.
- Gilbert A. Marx on Internationalism and War. *Philosophy & Public Affairs*, 1978, vol. 7, no. 4, pp. 346–369.
- Gong Q., Zhang L. Virtue Ethics and Modern Society — A Response to the Thesis of the Modern Predicament of Virtue Ethics. *Frontiers of Philosophy in China*, 2010, vol. 5, no. 2, pp. 255–265.
- Hammond W. *Reporting Vietnam: Media and Military at War*, Lawrence, University of Kansas Press, 1998.
- Hartle A. Razlichie [Discrimination]. *Nravstvennye ogranicheniia voiny: problemy i primery* [Moral Constraints on War: Principles and Cases] (eds B. Coppeters, N. Fotion, R. Apressyan), Moscow, Gardariki, 2002.
- Hobbes T. Leviatan, ili materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil]. *Soch.: V 2 t.* [Collected Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1991, vol. 2.
- Kaldor M. *Novyye i starye voiny. Organizovannoe nasilie v global'noi epokhu* [New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015.
- Kant I. K vechnomu miru [Zum ewigen Frieden]. *Soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 7.
- Kashnikov B. N. Chastnye voennye kompanii i printsipy Jus in Bello [Private Military Companies and the Principles of Jus in Bello]. *Voенно-іuridicheskii zhurnal* [Military Legal Journal], 2010, no. 6, pp. 62–73.
- Kashnikov B. N. Terrorizm na Sviatoi Zemle [Terrorism in the Holy Land]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [Russian Scientific Journal], 2007, no. 1, pp. 69–74.
- Kestnbaum M., Skocpol T. Review: War and Development of Modern National States. *Sociological Forum*, 1993, vol. 8, no. 4, pp. 661–674.
- Kumankov A. D. *Sovremennyye klassiki teorii spravedlivoi voiny: M. Uoltser, N. Foushin, B. Orend, Dzh. Makmakhan* [Contemporary Classics in the Theory of Just War: M. Walzer, N. Fotion, B. Orend, J. MacMahan], Saint Petersburg, Aleteiia, 2018.
- Lackey D. Review: A Modern Theory of Just War. *Ethics*, 1982, vol. 92, no. 3, pp. 533–546.
- Lazar S. Risky Killing and the Ethics of War. *Ethics*, 2015, vol. 126, no. 1, pp. 93–95.
- Maksimov L. V. Ob analiticheskom stile v etike [On the Analytic Style in Ethics]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2018, vol. 18, no. 1, pp. 5–17.
- Pavlov A. V. Parallaksy lisy: k opredeleniiu predmeta i granits sotsial'noi filosofii [The Parallaxes of the Fox: Towards Definition of the Subject and Status of Social Philosophy]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 149–172.
- Rengger N. On the Just War Tradition in the Twenty-First Century. *International Affairs*, 2003, vol. 78, no. 2, pp. 353–363.

- Stahl R. Digital War and the Public Mind: Call of Duty Reloaded, Decoded. *In/visible War: The Culture of War in Twenty-First-Century America* (eds J. Simons, J.-L. Lucaites), New Brunswick, Rutgers University Press, 2017.
- Toner C. The Logical Structure of Just War Theory. *The Journal of Ethics*, 2010, vol. 14, no. 2, pp. 84–85.
- Van Creveld M. *Transformatsiia voiny* [The Transformation of War], Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2005.
- Von Clausewitz C. *O voine* [Vom Kriege], Moscow, Logos, Nauka, 1998.
- Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Agreement with Historical Illustration*, New York, Basic Books, 2015.
- Žižek S. *Ustroistvo razryva. Parallaksnoe videnie* [The Parallax View], Moscow, Europe, 2008.
- Zuckert C. Aristotelian Virtue Ethics and Modern Liberal Democracy. *The Review of Metaphysics*, 2014, vol. 68, no. 1, pp. 61–91.